

— Именно так, чтобы было заметно. Сейчас я прогуляюсь по улице, поужинаю где-нибудь на стороне. Если к часу Тигра не вернусь... Хотя, вряд ли. Ладно, я пошёл.

Ся Суйцзинь ещё раз дал несколько наставлений, после чего, прихрамывая, удалился.

Местные жители были правы: у этого молодого человека всё было прекрасно, кроме ног, которые не слушались его, делая его калекой, несмотря на привлекательную внешность. Слыша такие слова часто, он уже не обращал на них внимания. Достав бамбуковую флейту, он сел у берега озера, покрытого зеленью ивы, и начал играть.

Мелодия флейты, словно плач, лилась тонкими нитями, продолжаясь до глубокой ночи.

На поверхности озера поднялся густой туман. Рядом с Ся Суйцзинем стоял бумажный фонарь, но, продолжая играть, он заметил, что свеча внутри погасла. Холодный, влажный ветер, несущий с собой капли воды, ударил по лицу, вызывая боль в глазах и носу.

В этот момент в ночном воздухе появился сладкий аромат, напоминающий запах цветов или легкое опьянение от крепкого вина.

Сзади раздались тяжёлые, неуклюжие шаги. Ся Суйцзинь с удивлением обернулся и увидел лицо женщины, на котором был нанесён погребальный макияж.

Её черты лица были крайне несоразмерны: губы ярко-красные, а кожа бледная, почти безжизненная. Она медленно улыбалась, запинаясь, произнесла:

— Ты... ты один?

При этом её губы не двигались.

Сразу же непонятное головокружение заставило Ся Суйцзиня пошатнуться, после чего он, потеряв силы, упал на землю, мысленно прокричав: «Неудача, неудача! Вот и промах!»

Девушка медленно подошла к нему и снова спросила:

— Ты один?

— Нет! Есть ещё один. Господин Фан, где ты?

Девушка вдруг засмеялась, её звонкий смех разнёсся по туманной ночи, звуча неестественно и резко. Она сказала:

— Твоя кожа такая красивая, я хочу её.

— Ты хочешь, но я не хочу отдавать!

Ся Суйцзинь внутренне закричал, но внезапно поперхнулся слюной и начал кашлять так сильно, что, казалось, вот-вот выплюнет лёгкие. С трудом он произнёс:

— Честно говоря, я болен. Если ты возьмёшь мою кожу, ты умрёшь от гниения всего тела.

Девушка, игриво прикрывая рот, с улыбкой ответила:

— Ничего страшного, я сниму её, вымою, и всё будет в порядке.

— Нет, нет, на самом деле... я ещё и калека, хромаю. Ты ведь не хочешь ходить, прихрамывая? Маленькой девочке некрасиво хромать.

К этому времени девушка с бледным лицом и красными губами уже подошла к нему вплотную и протянула руку, чтобы коснуться его лица.

Её рука изгибалась странно, будто девушка была одета в кожу, которая была на размер больше, и потому выглядела неровной и морщинистой.

Ся Суйцзинь отклонил голову, избегая прикосновения, и добавил:

— Моя кожа слишком большая, тебе не подойдёт.

Девушка действительно остановилась, повернув глаза и надув губы, будто задумалась. Через некоторое время она мягко покачала головой и сказала:

— Братец Мяо пропал, я не могу найти подходящую кожу и не очень хорошо умею её снимать. Если я причину тебе боль, не кричи громко. Странно, обычно девушки, вдохнув этот порошок, теряют сознание. Почему ты не упал?

Неужели её «Братец Мяо» — это тот мужчина, которого господин Фан убил той ночью?

— Какая разница, кто он? Эта кожа мне нравится, я сказал — не отдам!

В этот момент пальцы Ся Суйцзиня едва заметно дрогнули, и тонкая, как волос, игла вылетела из рукава, в воздухе превращаясь в серебряные звёзды, летящие, как снег, и все они устремились к девушке с погребальным макияжем, которая в этот момент наклонилась, чтобы что-то достать.

Одновременно девушка жалобно произнесла:

— Странно, я точно брала, куда же она делась?

В тот момент, когда она подняла голову, серебряные звёзды впились в её дряблую кожу.

Девушка схватилась за руку и живот, крича:

— Больно! Ты плохой, что ты сделал?

Затем она развернулась и побежала.

Девушка бежала очень быстро, и белая тень вырвалась из густого тумана, преследуя её. Ся Суйцзинь узнал в ней господина Фана и с облегчением вздохнул, пытаясь подняться. В этот момент он заметил маленький флакон, лежащий в нескольких шагах от него.

— Что это?

Он потряс его и услышал внутри множество мелких звуков, будто множество муравьёв ползают по стенкам сосуда. Ся Суйцзинь сразу вспомнил о «червях», о которых говорил господин Фан, и с облегчением подумал: «Хорошо, что они меня не ободрали».

Вскоре господин Фан вернулся и сказал:

— Она убежала в узкий переулок, я не смог её найти.

Его голос звучал с нотками поражения и обиды. Ся Суйцзинь поспешил утешить его:

— Нельзя сказать, что мы ничего не добились. Она хорошо знает городок Грушевого Цвета, значит, она местная. Думаю, я знаю, как её найти. Теперь нам нужно отправиться в погребальный дом.

Сказав это, он сделал несколько шагов, но сразу же запыхался от усталости. Обернувшись, он попросил:

— Господин Фан, ты можешь отнести меня обратно? Этот порошок действительно сильный, я чувствую, как у меня слабеют руки и ноги, я совсем не могу идти.

Господин Фан нёс на спине длинный меч, и, судя по его выражению, он не очень хотел снимать его, чтобы взять на руки обессиленного Ся Суйцзиня.

Ся Суйцзинь невольно смахнул слезу, собираясь опереться на стену, но господин Фан сказал:

— У меня на спине «Хэхуа», я могу тебя нести на руках.

Оказалось, что этот меч назывался «Хэхуа». В древности говорили: «На горах растут фусу, в низинах — хэхуа», что хорошо сочеталось с мечом «Фусу» у него на поясе.

— Эй, подожди, что он сказал? Нести на руках?

Прежде чем он успел осознать это, господин Фан одной рукой подхватил его под колени, а другой поддерживал за спину, подняв его с уверенностью.

Ся Суйцзинь: «...»

Его руки, не зная, куда деться, застенчиво прижались к груди, которая учащённо билась. Лицо под чёрной вуалью выглядело настолько пугающе, что Ся Суйцзинь, взглянув на него, испугался.

— Кхе, спасибо, господин Фан.

Весь путь был странно тихим. Господин Фан почти не говорил, и Ся Суйцзинь не знал, что сказать. Несмотря на то что они находились в близком положении, вокруг них витала неловкая атмосфера.

Ся Суйцзинь чувствовал, как у него мурашки бегут по коже, и, не выдержав, запинаясь, произнёс:

— Твоё лицо... оно всё ещё болит?

Господин Фан ответил двумя словами:

— Нормально.

— У меня есть лекарство, я намажу его, когда вернёмся.

— Хорошо.

Ся Суйцзинь внутренне стонал: «Ах, ты, молчун, ну скажи что-нибудь ещё!»

Господин Фан, словно понимая его мысли, тихо произнёс:

— Когда я впервые увидел своё лицо в зеркале, я испугался и не мог смотреть на него второй раз. Но ты... почему ты не боишься?

— Ха-ха, чего тут бояться. Твоё лицо, конечно, некрасивое, но не настолько страшное.

Сквозь чёрную вуаль в лунном свете можно было разглядеть неровные, уродливые шрамы. Ся Суйцзинь равнодушно покачал головой и добавил:

— То, что действительно пугает меня, — это уродливые души.

Господин Фан на мгновение остановился и спросил:

— Когда я был в бреду от боли, мне показалось, что ты сказал, что в семь с половиной лет ты сломал ногу и был заперт в тёмной комнате на целый день?

Ся Суйцзинь поспешно замотал головой:

— Это я придумал, чтобы утешить тебя, не обращай внимания. Моя нога сломалась в детстве, когда я играл, и, несмотря на то что я обращался ко многим врачам, её так и не вылечили, поэтому я и остался хромым.

Господин Фан мрачно хмыкнул и снова замолчал.

Эта хромая нога была больным местом Ся Суйцзиня, и он сразу потерял желание шутить. Положив голову на грудь господина Фана, он почувствовал горький запах лекарств и лёгкий аромат холодных слив.

Этот аромат слив, то появляясь, то исчезая, он чувствовал ещё в детстве, когда его держали на руках, и нежный женский голос напевал ему, убаюкивая.

... Матушка.

Когда он снова открыл глаза, уже был полдень.

Ся Суйцзинь умылся холодной водой, чтобы прийти в себя, и увидел, как господин Фан входит с подносом еды. Все блюда были острыми.

— Я хорошо выспался, и теперь выгляжу бодрым!

Он посмотрел в зеркало, поправил волосы и сел, чтобы попить суп.

— Ты пойдёшь со мной позже?

Господин Фан ответил:

— Могу.

Он действительно был человеком немногословным.

Погребальный дом в городке Грушевого Цвета был построен на средства местных жителей для временного хранения гробов.

Городок был удалённым, и если путешественник умирал здесь от внезапной болезни, уважаемые старцы заботились о теле и помещали его в гроб в погребальном доме, ожидая, пока родственники заберут его. Также бедные семьи, не имея средств на похороны, приносили тела сюда, чтобы потом решить, что делать.

<http://bllate.org/book/16190/1452474>